

Виктория Дьячкова

*Капитан
«Мёрного
коршуна»*

На волнах удачи

Виктория Дьячкова

**Капитан «Чёрного
коршуна». На волнах удачи**

«Издательские решения»

Дьячкова В.

Капитан «Чёрного коршуна». На волнах удачи / В. Дьячкова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837349-7

Окончание Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.) усиливает соперничество Франции и Испании за экономическое и политическое преобладание в Европе. Боевые действия продолжаются на материке, в акватории западного Средиземноморья и Атлантике. Десятилетний мальчишка из благополучной французской семьи отправляется с отцом в морское путешествие. Всё круто меняется в один миг, когда судно захватывают испанцы, отец гибнет от их рук, а мальчик попадает к английским пиратам.

ISBN 978-5-44-837349-7

© Дьячкова В.
© Издательские решения

Содержание

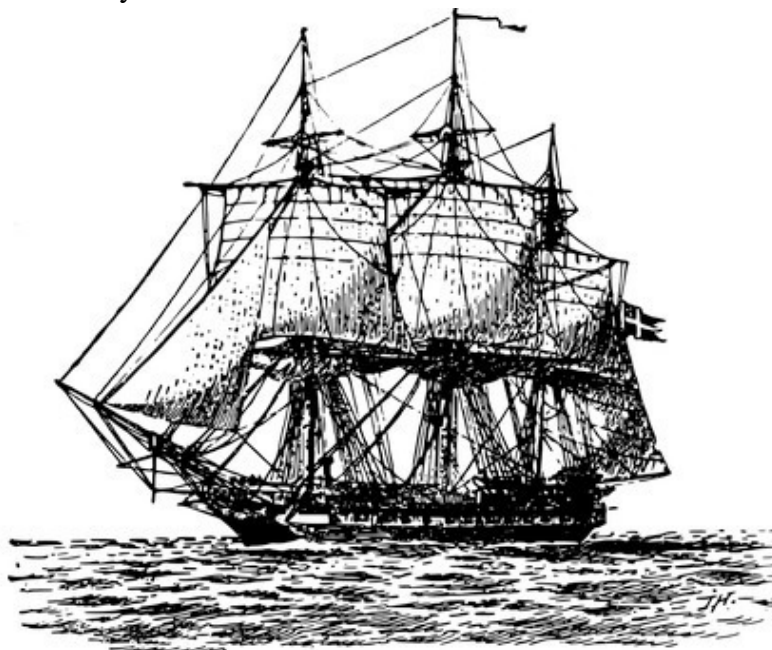
ПРОЛОГ	6
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ	15
Глава 1. Военный совет	15
Глава 2. Шторм	20
Глава 3. Спасенные по ошибке	25
Глава 4. В плену у пиратов	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Капитан «Чёрного коршуна» На волнах удачи Виктория Дьячкова

© Виктория Дьячкова, 2017

ISBN 978-5-4483-7349-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

книга первая

НА ВОЛНАХ УДАЧИ

остросюжетный приключенческий роман

ПРОЛОГ

Рассвет, перевернувший всё

Подписанием Вестфальского мира в октябре 1648 года завершилась кровопролитная Тридцатилетняя война. Впервые в истории локальный конфликт разросся до общеевропейского масштаба, втянув в боевые действия множество государств. Причиной послужило соперничество испанских и австрийских Габсбургов (1) с Францией за преобладание в Европе. Не удивительно, что успех сопутствовал Франции, как наиболее сильной стороне.

Преуспевающий лионский юрист Арман Лагарт с воодушевлением воспринял весть о заключении мира. Но война с Испанией продолжалась, ибо её король Филипп Четвертый (2) отказался участвовать в подписании мирных договоров. Обстановка в самой Франции тоже не радовала стабильностью и спокойствием. Фронда (3) набирала обороты. Из Парижа бежала королевская семья с юным Луи-Дьёдонне (4). Возмущение народа – разоренного, доведенного до отчаяния, достигло предела.

Зато в семье месье Армана царила полная гармония и благополучие. Тревоги и беды казались слишком далекими, тем более, молодую чету сейчас занимали совсем другие заботы. В канун нового, 1649 года очаровательная супруга юриста осчастливила его, подарив сына. Мальчика назвали Морис в честь далекого предка мадам Лагарт, урожденной Элен де Гийом, отважного рыцаря Мориса де Гийома, слава о ратных подвигах которого сохранилась благодаря семейным преданиям.

Месье Арман боготворил супругу. Её благородная красота, грациозные манеры, обаяние и великодушные восхищали. Он попросил знакомого художника-миниатюриста написать портрет Элен и заказал ювелиру золотой медальон, куда и была вмонтирована чудесная миниатюра. Этот медальон Арман преподнес любимой в качестве подарка за рождение сына, в котором не чаял души.

Малыш оказался поразительно похож на мать, унаследовав от нее густые темные кудри с каштановым отливом, утонченно-правильные черты лица и красивые выразительные глаза в обрамлении длинных ресниц. Цвет глаз он имел особенный, не такой, как у матери,

и довольно редкий: зеленый с чистым изумрудным отливом, подобный цвету морских волн после легкого шторма.

В старину обладателей таких глаз сторонились и боялись, не сомневаясь: они приносят несчастья. Им приписывали связь с силами зла и магией, называли прихвостнями дьявола, проклинали и отовсюду изгоняли. Твердили: они не от мира сего, среди добрых христиан им не место!

Месье Арман считал это глупейшим предрассудком. Он скептически относился к подобным суевериям и прочей мистике, являясь просвещенным человеком и атеистом.

Зеленоглазый озорник рос на удивление сообразительным и способным. Как и все мальчишки, любил пошалить, отличаясь изобретательностью и пылкой фантазией. Что порой приводило родителей в замешательство. Маленький выдумщик превосходил сверстников во многих отношениях. Находчивый и не по годам рассудительный (мальчик перенял отцовский, практический склад ума), на лету схватывающий любые новые знания и навыки, старательный и воспитанный, ребенок с ангельски прелестным лицом и безупречным характером уже сейчас подавал большие надежды. На радость близким.

Супруги Лагарт прочили сыну хорошее будущее. Месье Арман желал, чтобы Морис пошел по его стопам и всерьез занялся изучением юриспруденции, не исключая, правда, военную карьеру. Мадам Элен мечтала видеть сына художником, так как он замечательно рисовал, и ему это нравилось. Творческие наклонности передались ребенку от матери.

– Уверен, дорогая, – сказал однажды Арман жене, – наш мальчик, став взрослым, выберет профессию по душе, достойную его талантов. Не опозорит честное имя Лагарт и гордую фамилию твоих предков. Но... художник? Прости, Элен, по-моему, это несерьезно. Насколько я помню, твой уважаемый родственник мессир де Гийом прославился при помощи меча рыцаря, а не кисти живописца.

– В умелых руках и кисть превратится в разящий меч! – мягко заметила мадам Лагарт и с нежной улыбкой добавила: – Пока еще рано говорить об этом, Арман. Всё может измениться. Пусть Морис подрастет.

– Согласен, дорогая. Не будем торопить время.

Весной 1659 года Арман Лагарт получил предложение возглавить на юге страны, в Марселе, юридическую контору, в задачи которой, помимо прочего, входило оформление торговых сделок, приносящее немалый доход. Посоветовавшись с супругой, опытный юрист принял заманчивое предложение.

Обосновавшись на новом месте, месье Арман активно принялся за работу. Марсель – крупный порт юга Франции, центр её средиземноморской торговли, и просто красивый город, очень понравился его супруге, а особенно их десятилетнему сыну.

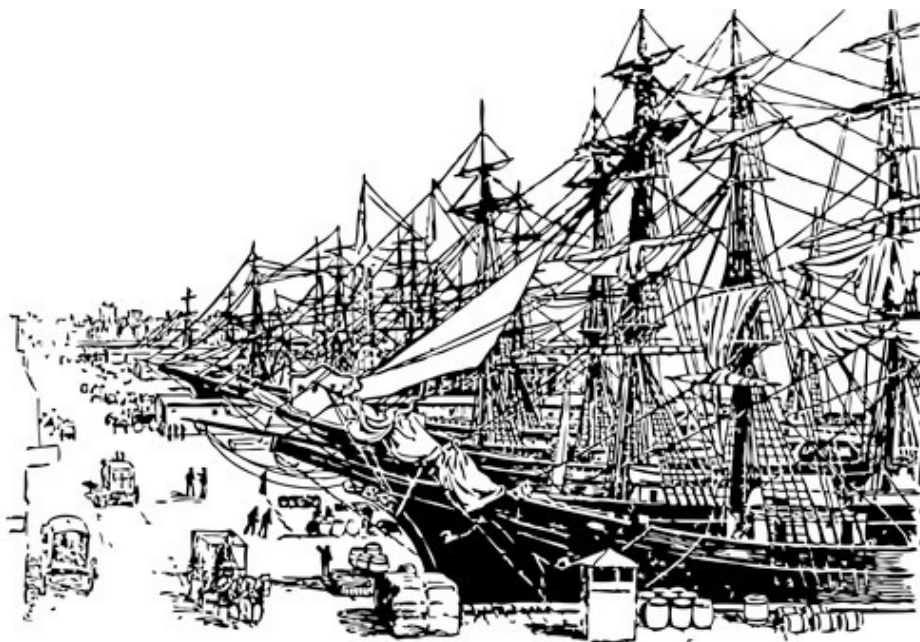
Мальчик, который прежде нигде не бывал, впервые увидел здесь море. Спокойное, волнующееся, штормящее, – оно покорило его, полностью завладев воображением.

Дела у месье Армана пошли успешно. В недалеком будущем он планировал поездку на Аппенинский полуостров, справедливо рассудив: личный контакт с возможными клиентами впоследствии гарантирует стабильную прибыль. Подготовка к предстоящему путешествию поглотила его целиком. Утомительной дороге по суше он предпочел морской путь. Узнав, что отец собирается в плавание, Морис попросил разрешения отправиться с ним.

Поначалу мать мальчика возражала, отец колебался. Но все же, после недолгих споров, родители уступили его просьбе и дали согласие на эту поездку.

Радости ребенка не было предела. Жажда странствий, новых впечатлений и приключений так свойственна мальчишкам всех возрастов и поколений.

В назначенный день и час легкая торговая бригантина «Луара» была полностью готова к отплытию. На палубе царил привычная суета. До отхода оставались считанные минуты, благо, свежий ветер, поднявшийся с утра, не препятствовал цели намеченного путешествия.

У трапа, спущенного с борта корабля на причал, стояли месье Арман Лагарт, его супруга и сын. Они прощались.

– Возвращайтесь скорее, – грустно вздохнув, сказала мадам Элен. – Я буду скучать без вас.

– Обещаю, дорогая, ты не успеешь соскучиться, – месье Арман с теплом обнял её. – Как только я улажу дела, мы без промедления вернемся домой.

– Ах! Чуть не забыла! – женщина сняла с шеи цепочку с золотым медальоном – подарком мужа, и с ласковой улыбкой взглянула на ребенка: – Маленький мой, я хочу, чтобы этот медальончик стал твоим талисманом и хранил от бед. Носи его и никогда не забывай обо мне.

С этими словами она надела цепочку с медальоном на шею сынишке и нежно поцеловала его.

– Хорошо, мамочка, – ответил мальчик.

– Как я тебя люблю, мой милый зеленоглазый ангел! Люблю вас обоих! – на глаза мадам Элен навернулись слезы.

Через четверть часа, подняв паруса и чуть накренив на левый борт, «Луара» вышла из марсельской гавани и взяла курс в открытое море.

Стояла глубокая ночь, когда французский берег скрылся за горизонтом, поглощенный туманной дымкой. За исключением вахтенной смены, на корабле все спали.

Спал и маленький Морис, весь день не покидавший палубу, радуясь всему новому, что ему довелось увидеть и узнать. Несколько выполненных им рисунков лежали рядом с койкой на рундуке (5). По возвращении он собирался показать их матери и с восторгом рассказать о путешествии на бригантине.

Прелестное личико ребенка, уставшего от полученных впечатлений, озаряла счастливая улыбка. Опьяняющий морской ветер, легкая качка, волны, разбивающиеся о борт, холодные соленые брызги, запах смолы и дегтя, скрип снастей, хлопанье парусов, скрежет такелажных цепей, хриплые голоса матросов и резкие отрывистые команды капитана – всё было так необычно и захватывающе! Мальчику снились неведомые страны, сказочные дворцы, несметные сокровища и диковинные звери. Казалось, ничто не могло нарушить чудесные и безмятежные детские сны.

Едва над морем забрезжил рассвет, пронзительный звон судового колокола грубо ворвался в сладкую дрему, прогнав навеванные ей видения. В непривычно надрывных звуках, призывающих команду наверх, явственно звучала скрытая угроза. На «Луаре» поднялась суматоха.

Арман Лагарт проснулся и сел на койке. В душе стремительно нарастала тревога. Навязчивые удары в колокол, топот ног и громкие крики разбудили Мориса.

Внезапно раздался жуткий грохот, треск и вопли. Бригантина содрогнулась. Месье Арман поднялся, решив немедленно пойти к капитану и узнать, что произошло.

– Сиди здесь и никуда не выходи! – строго сказал он сыну и быстро покинул каюту, которую они занимали.

Капитана или шкипера, как называли его подчиненные, месье Арман застал на мостике. Тот отчаянно жестикулировал и ругался, отдавая команды. Спеша выполнить их, матросы носились по палубе, сталкивались, огрызались, но повиновались беспрекословно. Понимали: от их расторопности сейчас зависит всё.

На вопрос месье Армана шкипер разразился проклятиями, но затем взял себя в руки, извинился и произнес:

– Нас атаковал военный испанский галеон. Он без предупреждения открыл огонь по «Луаре». Судно повреждено. Одно из ядер пробило правый борт над самой ватерлинией. При малейшем крене на этот борт в пробоину хлынет вода. Такелаж испорчен, – шкипер указал на порванные и спутавшиеся снасти. – Мы значительно потеряли в скорости хода и маневренности. Я отдал приказ: мои люди делают всё возможное, чтобы устранить повреждения в самый короткий срок. Однако, боюсь, месье, Господь не на нашей стороне. Едва ли мы теперь сумеем уйти от галеона. Испанцы настигают нас.

– Но откуда они взялись и что им надо?

– Одному дьяволу известно!

Тридцатилетняя война завершилась, но не для Испании, отказавшейся от подписания Вестфальского мира и продолжающей вести боевые действия против давней и основной соперницы – Франции. Отношения двух государств обострились до предела. Борьба, шедшая как на суше, так и на море, носила особенно ожесточенный характер. Испанские войска терпели частые поражения, их морские операции тоже не отличались большим успехом. Поэтому озлобленные испанцы нападали не только на военные корабли противника, но и на купеческие суда, такие, как «Луара», в отместку за свои неудачи, стремясь компенсировать их.

– Вы полагаете, цель испанцев – это захват «Луары»? – тревога в голосе месье Армана усилилась. – Но нападение на частное торговое судно противозаконно! Это не что иное, как морской разбой!

– Это война, будь она неладна! – взгляд шкипера бригантины сделался суровым, брови сошлись на переносице, образовав две глубокие морщины.

– Пресвятая Дева! – пробормотал Арман Лагарт, осознав весь ужас сложившейся ситуации. – Но ведь «Луара» – мирное судно. На борту есть маленькие дети!

– Скажите это им, – шкипер кивнул в сторону неумолимо приближающегося испанского галеона.

Сомневаться в намерениях испанцев не приходилось.

– Ваши действия, капитан? Что нас ждет? Плен? – месье Арман, не скрывая волнения, взглянул на него. – Вы вступите с ними в переговоры?

Бывалый моряк не успел ответить. Оглушительный залп бортовых орудий галеона разорвал предутренний воздух. Молниеносная атака и абордаж – вот участь, постигшая поврежденную французскую бригантину «Луара». Ни о каких переговорах речь даже не шла.

Робкие попытки некоторых отчаявшихся французов противостоять врагу имели плачевный результат. Капитан «Луары» погиб в числе первых. Захватчики не щадили никого. Брать

пленных – не входило в их планы. Их интересовал товар, находящийся в трюмах бригантины, золото и прочие ценности.

Обеспокоенный долгим отсутствием отца, и пока не зная, что случилось, маленький Морис вышел из каюты, где провел всё это время, и отправился на поиски месье Армана. Увиденное потрясло и испугало ребенка. Чужие люди, говорящие на незнакомом языке, вели себя на бригантине как хозяева. Из трюмов и кают выносились ящики, бочки, сундуки, другие вещи. Никто не обращал на мальчика внимания. С отчаянием озираясь по сторонам, он стал пробираться на верхнюю палубу.

– Папа! Папочка! – кричал Морис, вглядываясь в угрюмые лица неизвестных и не встречая среди них отца. – Где ты?

Он едва не расплакался. Отец не отзывался.

То, что предстало взору ребенка на палубе «Луары», повергло его в шок. Окровавленные изувеченные тела убитых моряков лежали повсюду в самых нелепых и неестественных позах.

И тут, наконец, его заметили.

– Откуда здесь взялся этот щенок? – грубый вопрос, раздавшийся рядом, заставил мальчика вздрогнуть и поднять голову.

В паре шагов перед ним стоял и зло смотрел на него бородатый испанский головорез в забрызганной кровью кирасе и шлеме, с обнаженной саблей в руке.

– Ты не посмеешь убить ребенка, негодяй! – гневно прозвучал голос Армана Лагарта, и в ту же секунду грохнул выстрел.

Испанец, получив пулю в переносицу, судорожно икнул, глупо раскрыл рот, зашатался и упал, едва не задев Мориса. Тот, узнав родной голос, обернулся и увидел возле грот-мачты отца с дымящимся пистолетом в руке.

– Папа! – радостно воскликнул мальчик.

– Не бойся, сынок! – Арман нервно сглотнул и отер выступивший на лбу пот. Пистолет швырнул в сторону. Только что он убил человека. Впервые в жизни. Но он защищал сына. – Иди ко мне скорее.

Мальчик собирался броситься к нему, но вдруг застыл в оцепенении и смертельно побледнел.

Позади отца возникла мощная фигура с занесенным над ним абордажным топором. Удар страшной силы обрушился на голову несчастного, раскроив её чуть ли не до подбородка. Арман Лагарт, не успев ничего понять, замертво рухнул на залитую кровью палубу.

Глаза ребенка расширились от ужаса. Он хотел закричать, но дыхание пресеклось. Кажется, на шею накинута удавку и туго затянули петлю. Он с трудом подавил накативший приступ тошноты, прикрыв рот обеими руками.

Презрительная ухмылка скользнула по губам убийцы, деловито вытершего топор об одежду только что зарубленного им человека. Недобро пылающий взор впился в маленького Мориса Лагарта.

– Идем, Хуан! – окликнули испанца товарищи. – Чего ты пялишься на этого мальчишку?

– Да он чертовски хорошенький! – хрипло ответил тот. – Словно ангелок с неба. Кудряшки темные, а глаза зеленые, как море. Никогда таких не видел.

Раздался грубый смех.

– Ну и что с того? Это не дама! Или тебе мальчишки больше по душе?

– Угомонитесь, кретины! – рыкнул убийца месье Армана и панибратски подмигнул ребенку. – Клянусь Девой Марией, этот парень разобьет не одно женское сердце. Красавчик!

– Если раньше не сдохнет, – издевательски заметил один из приятелей Хуана. – Вряд ли женщин заинтересует его красивый труп!

Обменявшись еще парой пошлых шуток на предмет дамского пола, испанцы удалились.

Морис, чей взгляд остался прикованным к бездыханному телу отца, лежащему в луже крови, не мог двинуться с места. Недетская боль чудовищной потери, страх одиночества и безысходность парализовали его силы. Он не плакал, так как слез больше не было. Не кричал и не звал на помощь, зная, что никто к нему не придет. Он стоял отрешенно, не чувствуя под ногами палубу, не слыша звуки, не замечая ничего вокруг. Мир замер, потерял краски, реальность исчезла. Перед глазами лишь мертвый отец с почти отрубленной головой, который минуту назад еще жил, дышал и очень его любил.

Перегрузка ценностей с «Луары» на испанский галеон была в самом разгаре, когда капитану доложили, что на горизонте показалось какое-то судно. Предутренний туман окончательно не рассеялся, и это не позволяло как следует его рассмотреть, чтобы определить национальную принадлежность. Впрочем, в настоящий момент появление любого свидетеля являлось крайне нежелательным для испанской команды.

Отдав приказ о скорейшем завершении всех работ, капитан вернулся на свой корабль, сцепленный с французской бригантиной абордажными крючьями.

Неизвестное судно приближалось. Испанцы вскоре увидели, что оно не несет никаких опознавательных знаков. Это вызывало подозрения. Захватчики стали торопиться. Бросать добычу не хотелось.

Когда судно подошло на расстояние пушечного выстрела, среди них началась паника. Такого оборота не ожидал никто. Жажда наживы оказалась сильнее голоса разума, что в итоге подвело алчных испанских моряков.

На топе (6) грот-мачты подозрительного парусника взвился потрепанный самодельный грязно-желтый – в прошлом золотистый, флаг с изображением чернокрылой парящей хищной птицы.

– «Золотой орлан»! Проклятье! – в бешенстве заорал капитан испанского галеона, узнав флаг и судно, несущее его. – Это пираты! Стреляйте, олухи, черт побери!

Однако команда явно запоздала.

Галеон представлял собой идеальную мишень, по-прежнему являясь сцепленным с «Луарой» и лишенный маневренности.

– Рубите концы! Заряжайте орудия! – неистовствовал испанский капитан, видя, что дело принимает скверный оборот. – Шевелитесь, мерзавцы!

И всё же спасти положение не удалось. Пиратский корабль почти без единого выстрела подошел к галеону и взял его на абордаж.

Свирепые головорезы лавиной хлынули на палубы двух поверженных кораблей: испанского и французского. И на галеоне, и на бригантине завязался кровопролитный бой.

В этой яростной схватке за добычу никому не было дела до ребенка, в страхе прижавшегося лбом к нактоузу (7) и заткнувшего уши руками, чтобы не слышать и не видеть весь этот кошмар. Мальчик перестал понимать, что происходит вокруг. Какие-то дикие люди в пестрых нарядах с криками ворвались на палубу «Луары» и, лихо орудуя абордажными саблями и топорами, стали безжалостно истреблять тех, кто совсем недавно чувствовал себя здесь полноправными хозяевами. Палуба быстро покрывалась телами мертвых испанцев.

Когда шум борьбы стал понемногу затихать, и всё реже раздавались стоны раненых (пираты, предпочитая не брать пленных, попросту добивали их), Морис осторожно покинул свое укрытие. Неожиданно рядом с ним возникла фигура гигантского морского разбойника со зловеще перекошенной физиономией и хищно горящим единственным глазом. Второй скрывала черная повязка. В одной руке он держал окровавленный тесак, в другой – серебряный шлем, только что снятый с убитого испанца.

– А! Маленький испанский змеёныш! – рявкнул головорез на каком-то грубом непонятном языке. – Сейчас я отправлю тебя к твоим проклятым родичам! – он занес руку с тесаком над головой ребенка.

Мальчик в страхе метнулся в сторону, и тут же столкнулся с тощим пиратом, который с трудом тащил подмышкой небольшой, но определенно тяжелый сундук. От резкого толчка тощий выронил добычу. Сундук упал, крышка отлетела. На палубу посыпались драгоценные камни, золотые монеты, перстни, браслеты, ожерелья из крупного жемчуга, прочие украшения.

– Какого дьявола? – взревел тощий, свирепо зыркнув на перепуганного мальчонку, и выхватил из-за пояса широкую короткую саблю.

Морис хотел броситься наутек, но поскользнулся в луже крови, потерял равновесие и со всего маху грохнулся на палубу, ударившись виском об угол люка. В глазах потемнело. Мальчик провалился в черноту. Сознание померкло.

Ругаясь, на чем свет стоит, тощий с приятелем стали собирать рассыпанные сокровища и складывать обратно в сундук.

Немногих оставшихся в живых испанских моряков связали и бросили на палубе возле грот-мачты. На пощаду они не рассчитывали. Знали, с кем имеют дело. Молились лишь, чтобы их смерть не была мучительной.

Главарь английских морских разбойников Джеймс Брэйв славился дьявольской жестокостью и лютой ненавистью к испанцам, за что получил от них прозвище Адский Пёс. Его быстросходный «Золотой орлан» давно стал как кость в горле у моряков королевского флота. Дерзкие действия отчаянной команды наносили огромный урон испанской казне. За пиратским парусником велась непрерывная охота. Пока безрезультатно. А вот пиратам везло чаще.

На сей раз их добычей, по воле случая, стали сразу два корабля: галеон королевского флота Испании и французская торговая бригантина. Редкая удача!

Осматривая призы, Джеймс Брэйв довольно потирал руки и мысленно прикидывал, какой куш можно за них получить. Однако французская бригантина была сильно повреждена в недавнем бою с испанцами, и капитан «Золотого орлана» решил её не брать, а лишь снять все, на его взгляд, ценные вещи.

Покидая последним палубу окончательно разграбленной «Луары», Брэйв неожиданно услышал слабый стон. Он удивился, полагая, что здесь не осталось ни одной живой души. Незадолго перед тем по его приказу всех уцелевших во время схватки испанцев безжалостно истребили.

Обернувшись на звук, пират увидел лежащего рядом с телами убитых моряков хорошенького ребенка в красивой, но перепачканной кровью одежде. Тот снова застонал и шевельнулся.

– Живой, – заключил Брэйв.

Не вполне сознавая, зачем он это делает, капитан «Золотого орлана» взял его на руки и отправился на свой корабль.

Вскоре богатая добыча с бригантины и галеона благополучно перекочевала в трюмы пиратского парусника. Абордажные крючья освободили от снастей и борта «испанца». Сам галеон отцепили от «Луары». Часть пиратов во главе с помощником капитана перешла на приз, чтобы управлять им. Галеон решили продать какому-нибудь купцу в Портсмуте. По команде капитана «Золотой орлан», а следом за ним захваченный испанский корабль взяли курс к берегам Англии.

* * *

Морис Лагарт очнулся в душной, неприбранной каюте. Голова раскалывалась от боли. На виске вздулась шишка. Сев на койке, мальчик огляделся. Хозяина каюты явно не отличала склонность к порядку. Его носильные вещи неопрятно свешивались из неплотно прикрытого рундука. В углу у большого кормового окна валялось несколько пустых бутылок. Стол был завален грудой бумаг: потрепанных и засаленных морских карт, старинных портуланов (8), толстых судовых журналов в переплете из тисненой кожи. Здесь же лежали навигационные приборы: астролыбия, квадрант и компас. Над койкой висела пара перекрещенных палашей

в ножнах. На противоположной переборке – внушительная коллекция холодного и огнестрельного оружия.

Морис услышал доносящиеся с палубы песни, ругань и грубые голоса на совершенно непонятном языке. Всё, что с ним происходит, казалось ему нереальным кошмаром, чудовищным сном. Как он мечтал поскорее проснуться!

Вдруг за дверью каюты раздались тяжелые топающие шаги. Она отворилась с протяжным скрипом, и на пороге возник небритый субъект средних лет, почти седой, со шрамом на щеке, в синем выцветшем камзоле, потертых штанах и черных ботфортах. На поясной перевязи находилась великолепная шпага в искусно отделанных ножнах. В руках он держал тарелку с едой и кружку воды. Это был капитан Брэйв. Хозяин каюты и корабля.

Пройдя в каюту, он поставил еду и питье на стол, небрежно отпихнув в сторону астролябию и судовой журнал. Затем повернулся и пристально взглянул на мальчика.

– Как тебя зовут, малыш? – спросил он, но не получил ответа.

Взяв бочонок с вином в качестве табурета, пират подтащил его к койке, где сидел Морис, и устроился напротив, не спуская с юного гостя тяжелого испытующего взгляда.

– Черт возьми! Невежливо молчать, когда к тебе обращаются старшие! – недовольно заметил Брэйв и тут догадался, в чем дело. – Вот я осел!

Мальчик не понимал по-английски! Капитан «Золотого орлана» повторил вопрос на ломаном испанском языке. Но и это не возымело никакого результата. Тогда, призвав на помощь свои весьма скудные познания во французском, и проклиная в душе вообще все иностранные языки, пират обратился к ребенку по-французски. Лишь после чего тот заговорил:

– Меня зовут Морис. А вы кто?

– Сначала поешь, – Брэйв указал пальцем на принесенную еду. – Вопросы будешь задавать потом.

В этот момент в каюту вошел еще один пират – штурман «Золотого орлана» Клаус Стоунс, невысокий коренастый моряк лет сорока пяти, большой любитель табака и горячительных напитков. Он был другом капитана, и сейчас курил трубку.

– Ну, и что ты решил с ним делать? – хрипло спросил он, кивнув на мальчика, не вынимая трубку изо рта. – Выкуп?

– Вряд ли, – пиратский главарь покачал головой. – Не думаю, что у него остались близкие после мясорубки на бригантине.

Словно в ответ на его слова Морис порывисто встал с койки, и, глядя перед собой, решительно произнес:

– Они убили моего отца! Я отомщу или погибну!

Кулаки его при этом инстинктивно сжались, в глазах блеснул огонь холодной ненависти. Казалось, он повзрослел на целую жизнь.

Пираты удивленно переглянулись.

– Что он такое сказал? – спросил штурман Стоунс, который в отличие от капитана ровным счетом ничего не понимал по-французски.

– Если я верно истолковал его слова, – Джеймс Брэйв почесал покрытый жесткой щетиной подбородок, – то выходит, что отец мальчонки пал от рук испанцев в недавнем бою. Ну, а он, – указательный палец капитана «Золотого орлана» ткнул в парнишку, бледного, серьезного, не по-детски сурового, – он поклялся отомстить за смерть родителя или отчалить к Господу.

– Да, ну? – усомнился Стоунс. – Так и сказал?

– Именно так, чтоб меня разорвало! – подтвердил капитан Брэйв.

– Хм, – штурман глубоко затаянулся и прищурился, внимательно глядя на Мориса.

Самообладание десятилетнего мальчишки, несколько часов назад трагически потерявшего отца, впечатлило бывалых пенителей моря. Не каждый пират из команды Брэйва мог похвастаться такой потрясающей выдержкой.

– Клянусь проклятием моей души, похоже, наш юный приятель не шутит, – реплика принадлежала капитану «Золотого орлана».

– Твоя правда, Джеймс, – согласился штурман, выпуская в воздух кольца сизого дыма. – Серьезный малец.

– Якорь мне в печень! Он совсем не боится нас! Другой бы на его месте давно закатил истерику. Вспомни, Клаус, сколько юнцов и взрослых мужчин рыдали, давясь соплями, оказавшись в наших руках.

– Угу. Мальчонка не из пугливых. Сразу видно.

Морис Лагарт действительно не боялся этих грубых, прокуренных, пропитых и просоленных морских волков. Тем более, они жестоко наказали тех, кто убил месье Армана. Правда, благодарности к ним он тоже не испытывал. Ничего! В душе – пустота. Страх и другие чувства сегодня умерли вместе с несчастным отцом.

Капитан Брэйв поднялся с бочонка, на котором сидел, и похлопал Мориса по плечу.

– Ты мне нравишься, малыш! – на скверном французском произнес он. – Мы поладим с тобой. Зови меня дядя Джимми, – и обратился к штурману: – Готов поспорить с самим дьяволом, из этого славного мальчугана выйдет настоящий парень! Он будет стоять десятка таких, как мы.

Клаус Стоунс кивнул, хрипло прокашлялся и снова затянулся.

Однако никто не знал, как повернется штурвал изменчивой Фортуны, и что уготовит капризная богиня юному Морису Лагарту, по её воле оказавшемуся на борту пиратского парусника «Золотой орлан» в компании прожженных морских бродяг.

Вскоре заключением Пиренейского мира завершилась длительная франко-испанская война (9). Непокойный 1659 год подходил к концу.

Шестнадцать лет спустя...

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

На волнах удачи

*Пьянит меня морской простор,
Шторма волнуют кровь.
С волной и ветром в жаркий спор
Корабль вступает вновь.
Опасность, риск – вот мой удел.
Здесь скуки не найти.
Лишь с тем, кто дерзок, весел, смел
Удаче по пути!*

Глава 1. Военный совет

Более четверти века прошло с момента окончания Тридцатилетней войны, но Европу продолжали будоражить локальные конфликты и войны за обладание спорными территориями. И всё же некоторые тенденции, наметившиеся после подписания Вестфальского мира, были вполне очевидны. Франция крепла и стремительно развивалась под властью Луи Четырнадцатого, в то время как её основная соперница – Испания, в прошлом сильная, могущественная держава, неумолимо клонилась к закату.

Вступление на испанский престол нового монарха Карлоса Второго Габсбурга (10) не принесло ожидаемых в государстве перемен. Экономический и политический кризис углублялся. Помимо внутренних причин этому способствовали неудачно проводимые военные операции в Европе, систематические поражения и, наконец, особый урон испанской казне приносил морской разбой, процветающий на всех водных коммуникациях страны.

Сложившаяся обстановка не могла не тревожить высшие флотские чины государства. Каждый понимал: для пресечения морского разбоя надо срочно предпринять самые решительные меры, ибо необходимость в них назрела уже давно.

В связи с этим министр морских дел Испании добился, чтобы из государственной казны были выделены средства, правда, весьма ограниченные, на снаряжение эскадры, целью которой являлось крейсерство в Средиземном море, обнаружение и последующее уничтожение пиратских кораблей. Сопоставив сведения тайных агентов с донесениями капитанов и шкиперов, имевших несчастье повстречаться с пиратами, удалось вычислить координаты их наиболее частого появления. Согласно чему наметили предварительный курс следования эскадры.

Командование эскадрой возложили на адмирала дона Мигеля Игнасио Лопе Мариа де Сепульведа-и-Монтальво, графа де Куэнка – благородного шестидесятилетнего мореплавателя, чьи опыт и мужество служили примером для молодых офицеров королевского флота. Адмирал де Сепульведа получил строгое предписание министра: эскадра в составе пяти кораблей должна выйти в море из порта Валенсия не позднее середины сентября 1675 года.

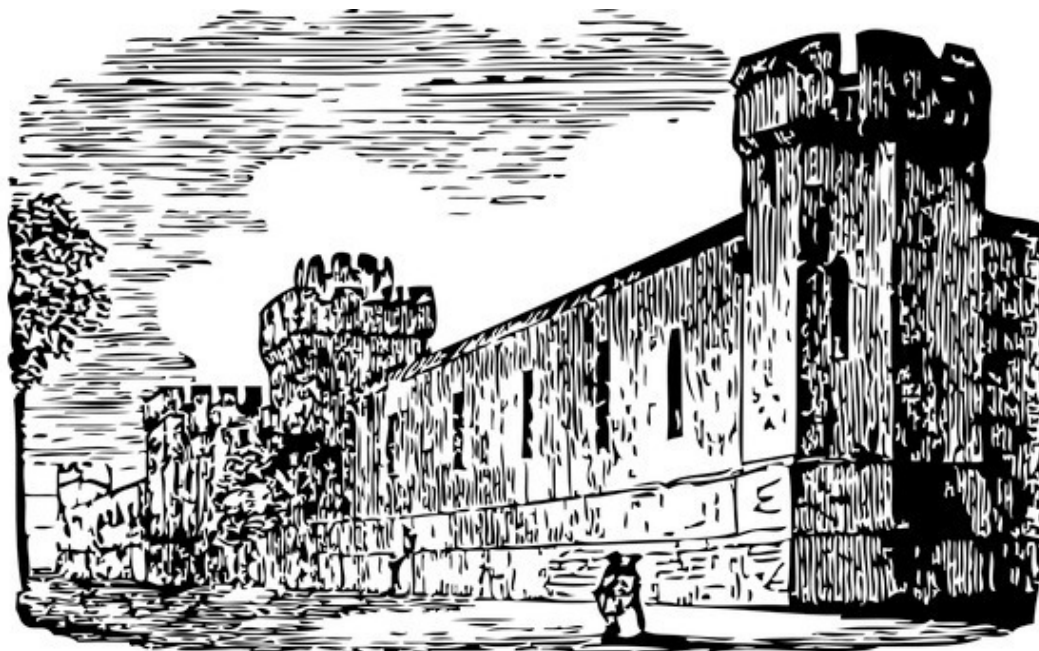
– Подбор капитанов, офицеров и команд на ваше усмотрение, – сказал в заключение министр адмиралу и пожелал удачи.

С благословения королевы-регентши (11) адмирал де Сепульведа отбыл в Валенсию и энергично принялся за дело.

Губернатор Валенсии, старинный друг дона Мигеля, узнав о его миссии, не раздумывая, предложил свои помощь и поддержку. Это явилось очень кстати, поскольку недостаточное финансирование за счет казны не позволило адмиралу уложиться в отведенный министром срок, и выход в море не полностью оснащенной эскадры пока задерживался.

И все-таки, благодаря стараниям дона Мигеля де Сепульведа и помощи его валенсийских друзей, к концу сентября эскадра была готова к отплытию.

Накануне в парадном зале во дворце губернатора состоялся военный совет, на котором присутствовали капитаны кораблей, вошедших в состав эскадры, некоторые старшие офицеры и чиновники портовых служб города. Адмирал де Сепульведа выступил перед ними с речью.

– Да благословит Господь Испанию и его католическое величество дона Карлоса Второго, – осенив себя крестным знаменем, начал он. – Как вы знаете, сеньоры, я собрал вас здесь для того, чтобы обсудить детали предстоящего плавания. Цель у нас одна: уничтожение морского разбоя в Средиземном море во всех его формах и проявлениях любыми доступными нам средствами. Во имя Господа и святой церкви, во имя родины и короля призываю вас отдать все силы на благо отечества, очистить акваторию от пиратов раз и навсегда, чтобы мореплавание стало безопасным и свободным.

Затем адмирал огласил состав эскадры.

Он сам отбывал на флагмане «Сан-Себастьян» – хорошо оснащённом сорокачетырёхпушечном галеоне, обладающем превосходными мореходными качествами и красотой постройки.

Его родной племянник, дон Хосе Рамон Луис де Барросо-и-Сепульведа, граф де Рибальта, высокомерный тридцатилетний сумасброд, получил в управление новый, недавно сошедший с верфи галеон «Священный путь».

Престарелый адмирал не имел детей. Супруга скончалась, так и не одарив его наследниками. Поэтому к племяннику дон Мигель испытывал теплые, почти отеческие чувства, стремясь устроить его жизнь и карьеру. Тот беззастенчиво пользовался добротой и расположением влиятельного дядюшки в личных интересах.

Галеоном «Гвадиана» командовал опытный моряк Педро Риос, в свое время прошедший хорошую школу у адмирала де Сепульведа в качестве его помощника.

Легкой быстроходной бригантиной «Андалусия» управлял угрюмый моряк в годах Хуан Каналес. За ним водились кое-какие грехи, совершенные в прошлом, за что однажды он едва не распрощался со службой в королевском флоте. Но благодаря опыту и познаниям в морском деле, всё благополучно сошло ему с рук. Ходили слухи, что в молодости Каналес не брезговал морским разбоем. Однако сам Каналес эти слухи упорно опровергал.

Командиром галеона «Санта-Каталина» стал недавно произведенный в капитаны Родриго Сальварес – усердный, ответственный офицер, требовательный к себе и к подчиненным, превыше всего ставящий долг и служение родине. Только благодаря личным качествам он получил повышение по службе и назначение на должность капитана одного из галеонов эскадры адмирала де Сепульведа. Участие в операции такого масштаба для тридцатитрехлетнего моряка из простой, небогатой семьи явилось большой удачей. По возвращении из плавания он мог, наконец, жениться на Марианне де Каstellано – девушке из обедневшего дворянского рода, которую любил с юношеских лет.

Скромное происхождение Сальвареса нередко вызывало насмешки и неприязнь офицеров-грандов, относящихся к нему с подчеркнутым пренебрежением. Карьеру Сальварес начал в должности помощника штурмана при адмирале де Сепульведа несколько лет назад. Еще тогда адмирал усмотрел в молодом моряке бесспорное дарование по части навигации и понял: из него выйдет достойный офицер королевского флота. Адмирал не ошибся.

По окончании официальной части Родриго Сальварес улучил момент и подошел к дону Мигелю.

– Ваше высокопревосходительство, сеньор адмирал, – немного волнуясь, произнес он, – для меня большая честь выйти в плавание в составе эскадры под вашим началом. Клянусь, я оправдаю оказанное вами доверие.

– Вы заслужили не только мое доверие, капитан Сальварес, но и уважение. Я знаю вас как храброго и честного моряка. Не сомневаюсь: на вас можно положиться в любой ситуации.

Молодой человек смутился. Слова адмирала де Сепульведа польстили ему.

– Да, кстати, – сказал тот после паузы, – я слышал, вы собираетесь жениться. И когда состоится бракосочетание?

От смущения у Сальвареса перехватило дыхание.

– По возвращении обратно, – коротко ответил он.

– Что ж, поздравляю. Желаю вам и вашей избраннице счастья да детишек побольше. Я сам, к сожалению, так и не испытал радость отцовства. А вы должны вырастить и воспитать для родины мужественных и сильных сыновей. Это приказ, – снисходительно улыбаясь, добавил адмирал.

Капитан «Санта-Каталины» залился краской, как девица.

Несколько офицеров курили на террасе и обсуждали последние политические события в стране, а также всё, что представляло для них интерес на тот момент. С ними был и племянник адмирала дон Хосе де Барросо.

– Я преклоняюсь перед адмиралом де Сепульведа, – сказал капитан галеона «Гвадиана» Педро Риос. – В настоящее время прилив его патриотических чувств просто удивителен!

– Полностью с вами согласен, капитан Риос, – лениво откликнулся высокопоставленный племянник. – Всем хорошо известно положение дел при Дворе. Королева и министры удручены военными и политическими неудачами нашего покойного монарха Филиппа Четвертого. Пиренейский мир с Францией стал позором! Мы потеряли часть Фландрии, Артуа, Руссильон, Конфлан и другие территории. Тяжелый удар, нанесенный по престижу Испании во время правления короля Филиппа, не мог не отразиться на политике его преемников. Аахенский мир (12) не улучшил ситуацию. Наш новый король, дон Карлос, по сути, еще ребенок. И он не совсем здоров. Вряд ли стоит говорить о нем как о серьезном правителе.

– Будьте осторожнее в высказываниях, сеньор де Барросо, – негромко предостерег его капитан «Андалусии» Хуан Каналес. – Речь идет о короле Испании. Король – ставленник Бога на земле, особа священная для всех нас.

Племянник адмирала не удостоил его ответом.

– Да, сеньоры, – вновь заговорил Риос, – не секрет, что при Дворе сейчас преобладают упаднические настроения и разногласия. Но в этом нет вины нашего нового монарха. Я уверен,

уповая на Господа, Испания выйдет из кризиса и займет достойное место в ряду первостепенных европейских держав.

– Золотые слова, сеньор Риос! – одобрил его Гарсиласо Васкес, помощник капитана галеона «Священный Путь». – Добавлю, что полный разгром пиратства в Средиземном море непременно вернет Испании утраченные позиции. Не зря борьба с морским разбоем освящена церковью.

К группе беседующих офицеров подошел штурман флагмана «Сан-Себастьян» Диего Фернандес, прежде стоявший в стороне и молча куривший трубку, но не пропустивший ни единого слова из их разговора. Он вынул трубку изо рта и хрипло произнес:

– Клянусь распятием Христовым, пиратству будет положен конец! Я хорошо помню тот бой, когда мы с Божьей помощью потопили у острова Форментера пресловутый «Золотой орлан», этот бич испанского побережья на протяжении многих лет. Поединок был не из легких. Наш доблестный капитан дон Освальдо де Навас пал в самый разгар жаркой схватки. Проклятые головорезы дрались, как дьяволы. Зато теперь все они покоятся на дне морском во главе с Адским Псом! И такая участь ждет любого морского разбойника, никто не уйдет от расплаты!

– Да, история наделала много шума, – заметил Гарсиласо Васкес. – Но я слышал, некоторым мерзавцам все же удалось спастись. И где они теперь эти псы преисподней? Неужели вернулись к прежнему ремеслу? Как считаете, сеньор Фернандес?

– Едва ли кому-то из них посчастливилось выжить, – ответил тот. – Но даже если так, то вряд ли у негодяев хватит смелости вновь подставить свои шкуры под безжалостный огонь наших пушек.

– Я вот почему спросил, – продолжал Васкес. – На днях я имел беседу с приятелем, он ходит боцманом на «Славе Кастилии», и он поклялся, что видел «Золотой орлан» минувшим летом. Где бы вы думали? У острова Форментера! Неужели этот дьявольский корабль восстал из адских глубин, чтобы вновь бороздить морские просторы и грабить наши суда?

– Что за вздор? – произнес Фернандес. – Пять лет назад, не меньше, «Золотой орлан» пошел ко дну у меня на глазах. Голову на отсечение даю, что там он и гниёт со всем своим пиратским экипажем! А вы говорите – минувшим летом. Ей-Богу, вздор, сеньор Васкес!

– Не горячитесь, Фернандес, – подал реплику Хуан Каналес. – Мало ли что может привидеться, когда история на слуху. Но слова сеньора Васкеса не лишены смысла. По весне я лично преследовал парусник, как две капли воды похожий на корабль Адского Пса. На его флаге красовалась черная хищная птица с распростертыми крыльями. Ни дать, ни взять – «Золотой орлан»! К несчастью, ему удалось уйти. Быстроходная посудина, ничего не скажешь!

– Да пребудет с нами милость Всевышнего! – Гарсиласо Васкес осенил себя крестным знаменем и с суеверным трепетом в голосе произнес: – Сеньоры, а вдруг это корабль-призрак? Если дух проклятого Адского Пса не успокоился и вернулся в наш грешный мир, чтобы отомстить за свою смерть?

– Я думаю, господа, данное недоразумение имеет более земную и прозаическую причину, – заметил подошедший в сопровождении Сальвареса адмирал де Сепульведа, и все с почтением взглянули на него. – Какой-то авантюрист, склонный к дешевым эффектам, решил воспользоваться флагом Адского Пса, чтобы ввести нас в заблуждение и попытаться запугать с помощью подобного трюка. А вы как считаете, дон Хосе? – в официальной обстановке и в присутствии подчиненных адмирал всегда называл племянника на «вы».

– Полагаю, вы правы, дон Мигель. Возможно, это обнаглевший до предела Поющий Неаполитанец решил подшутить над нами таким образом. Давно пора наказать негодяя, заставив «петь» под виртуозными пытками инквизиторов. А потом показательно вздернуть, чтобы другим неповадно было!

– Вряд ли это он, – усомнился капитан «Гвадианы» Риос. – Я тоже кое-что слышал об этой посудине. Её видели не только у наших восточных берегов, но даже в Кадисском и Бискай-

ском заливах. Неаполитанец так далеко не заходит. Он предпочитает грабить поближе к своему логову – Неаполитанскому заливу. Один мой знакомый шкипер, чудом оставшийся в живых после встречи с упомянутым «пиратом», сказал, что капитан там – сущий дьявол, команда – отпетые негодяи, а сам корабль – пристанище темных сил.

– Сеньоры, – никак не мог успокоиться Васкес, – а если, не приведи Господь, это и в самом деле восставший из морской пучины дух Адского Пса вернулся и жаждет отмщения? Давайте помолимся, чтобы проклятый корабль-призрак с командой мертвецов на борту не встретился нам в предстоящем плавании!

– Уверяю вас, речь вовсе не идет о корабле-призраке, – вновь произнес Риос, стремясь разрядить внезапно возникшее напряжение. – Моего приятеля подчистую ограбили вполне реальные мерзавцы. По его словам, они – англичане. Он слышал, как они общались между собой на этом языке. Название их посуды действительно связано с какой-то хищной птицей. Но это не «Золотой орлан». И тем паче не корабль Поющего Неаполитанца.

– Разумеется! – решил съязвить Хосе де Барросо. – Судно Неаполитанца зовется «Акула». Последнего юнгу спроси – ответит. Акула хищная, но ведь не птица. Не летает!

Никто не обратил внимания на его бестолковую реплику.

– Капитан Риос, вы можете уточнить название пиратского парусника? – спросил адмирал де Сепульведа.

– Не уверен, господин командующий.

– Постарайтесь вспомнить всё, о чем ещё сообщил ваш товарищ, – требовательно сказал адмирал.

– Бедняга с ужасом твердил, что главарь головорезов – свирепый мрачный тип, беспощадный, как Сатана, и хитрый, как все демоны ада, с леденящим душу злым взглядом и приводящей в дрожь дьявольской усмешкой на устах. Одним словом, горе тому моряку, кто повстречается с ним.

– Действительно, чудовище! – серьезно заметил де Сепульведа.

– Пресвятая Дева мне свидетель, – напыщенно сказал его племянник, – кем бы ни был этот наглец, но после встречи с огнем наших батарей, его дух отправится в преисподнюю, где ему самое место. Мы перебьем проклятых пиратов как собак. Всех либо поодиночке. Трепещите, каналы, дон Хосе де Барросо объявляет вам священную войну!

Самовлюбленный и честолюбивый племянник адмирала в этой войне видел себя только победителем и заранее присвоил все лавры.

Родриго Сальварес, самый молодой из пяти капитанов эскадры, скромно молчал, решив не на словах, а на деле доказать преданность отчизне и королевскому флоту.

– Сеньоры, – вдруг сказал Педро Риос, – наверное, Господь просветил меня, но я кое-что вспомнил.

– Говорите! – велел командующий эскадрой.

– Не ручаюсь, но вполне вероятно, что интересующая нас пиратская посуда называется «Черный э-э... орлан». В любом случае, черная хищная птица на флаге – символ негодяев, и в названии их проклятого корабля определенно есть слово «черный».

– Черный? Черная птица? – повторил адмирал де Сепульведа, задумчиво наморщив лоб. – Да-да, припоминаю. Перед отплытием обязательно уточню. Ставлю задачу: прервать полет чернокрылого хищника, ощипать перья и насадить на вертел. Изжарим пиратскую дичь из пушек! Уверен: лже – «Орлан» будет уничтожен так же, как его знаменитый предшественник. Однако не стоит забывать и о «подвигах» прочих подобных ему мерзавцев: Поющего Неаполитанца и других. Наша цель – раз и навсегда покончить с ними!

– Во славу Испании и короля! – не сговариваясь, откликнулись офицеры.

– Аминь! – заключил адмирал.

Глава 2. Шторм

Эскадра адмирала де Сепульведа с благословения отцов церкви Валенсии вышла в море в последних числах сентября 1675 года. Погода стояла отличная, и плавание начиналось весьма удачно.

Дни текли незаметно. Эскадра милю за милей прочесывала воды Средиземного моря, согласно заранее намеченного курса, но пока ни один мало-мальски подозрительный корабль не попал в поле зрения испанских моряков. Плавание затягивалось и начинало вызывать раздражение. Почти месяц прошел в бесплодных поисках. Запасы пресной воды и провианта подходили к концу. На галеоне «Гвадиана» началась холера. Моряки стали проявлять недовольство и требовать возвращения.

В связи со сложившейся ситуацией адмирал дон Мигель де Сепульведа приказал кораблям эскадры лечь в дрейф и пригласил капитанов на экстренный военный совет. В настоящий момент эскадра находилась к юго-востоку от мыса Бон, что на тунисском побережье. Именно здесь чаще всего, согласно сводкам адмиралтейства, видели посудину известного пирата по прозвищу Поющий Неаполитанец, о чьей извращенной жестокости ходили мрачные слухи.

Когда все капитаны прибыли на флагман «Сан-Себастьян», вахтенный матрос проводил их в большую кормовую каюту адмирала.

– Я ожидал вас, господа, – сказал тот и, указав рукой на обитые бархатом привинченные к палубе резные стулья у намертво закрепленного инкрустированного серебром стола, добавил: – Прошу садиться. Итак, – начал дон Мигель, – ситуация следующая: эскадра находится в море более месяца, но преследуемая цель не достигнута. Запасы провизии на исходе. Их хватит максимум на четыре-пять дней. Среди моих матросов все чаще слышны разговоры о возвращении. Как мне доложил капитан Риос, на «Гвадиане» вспыхнула холера.

Капитан «Гвадианы» встал и с позволения командующего эскадрой продолжил:

– Да, господа, болезнь уже унесла четверых моих матросов. Еще двадцать в муках и страданиях готовятся разделить их участь. Заразился и судовой врач. Положение критическое. Я предлагаю развернуть наши корабли и взять курс к родным берегам.

Среди остальных капитанов раздался глухой ропот. Педро Риос сел на место.

– Кто еще желает высказаться? – спросил адмирал.

Командир галеона «Священный путь» Хосе де Барросо поднялся из-за стола.

– Не понимаю, – надменно произнес он, – почему мы должны возвращаться только из-за того, что на «Гвадиане» холера? Эта экспедиция предпринята от имени его величества короля с повеления королевы-матери и благословения святой церкви. Считаю необходимым продолжить крейсерство. Рано или поздно пираты окажутся в наших руках. Мы на верном пути.

– У нас кончаются припасы, – сказал капитан «Санта-Каталины» Родриго Сальварес, – и состояние команд нервозное. В такой обстановке трудно продолжать плавание.

– Я согласен с капитаном Сальваресом, – глухо произнес адмирал.

Дон Хосе де Барросо высокомерно взглянул на своего родственника.

– Я вижу, дорогой дядюшка, вы готовы пойти на поводу у этого безродного выскочки Сальвареса и у неудачника Риоса, который боится помереть от холеры. Какая жалость, что вы окружили себя не моряками, а бабами! – забыв всякие правила приличия и игнорируя военный этикет, заявил он.

Адмирал побагровел от подобной дерзости.

– Замолчи! Что ты себе позволяешь? – гневно воскликнул он.

– А что я себе позволяю? Называть вещи своими именами? Как хотите, можете возвращаться, можете хоть на дно моря провалиться все, а я продолжу плавание. Уверен, удача мне

улыбнется. Сразиться с морскими разбойниками и уничтожить их – вот наша цель, и я её добьюсь любой ценой! – Хосе де Барросо решительно направился к выходу.

– Остановись, Хосе! Я приказываю! – резко сказал адмирал. – Капитан де Барросо, за неподчинение приказу вас ждет трибунал!

Обернувшись, дон Хосе презрительно ухмыльнулся:

– Вы не отдадите под трибунал родного племянника, дон Мигель. Я вас знаю. Счастливо оставаться, сеньоры, – он вышел из каюты, демонстративно хлопнув дверью.

Вернувшись на свой галеон, капитан де Барросо отдал приказ продолжать следовать прежним курсом на юго-восток.

После его ухода в каюте адмирала с минуту стояла гнетущая тишина. Адмирал, красный от возмущения, нервно мерил шагами небольшое пространство. Этот инцидент окончательно вывел его из равновесия, и он с большим трудом держал себя в руках.

– Прошу прощения, – сказал он, наконец, и хмуро взглянул на оставшихся капитанов. – Итак, сеньоры, что вы решили?

На сей раз ему ответил капитан бригантины «Андалусия» Хуан Каналес, прежде молчавший:

– Осуждаю бестактность Хосе де Барросо, но его правоту не признать не могу. Какой смысл возвращаться ни с чем?

Однако трое из четверых присутствующих, включая адмирала, высказались за возвращение, и в полдень тридцатого октября эскадра легла на обратный курс.

Во второй половине дня погода ухудшилась. Небо затянулось тучами, и стал накрапывать мелкий дождь. Ветер усилился. Резкие порывы яростно раздували паруса, вызывая значительную качку кораблей. Отдаленные раскаты грома доносились с юга. Было видно, что в той стороне гроза: горизонт не просматривался, небо и море слились в единую серую мглу, то и дело озаряемую вспышками молний. На высоко вздымающихся гребнях волн появились белые пенные барашки. Все эти признаки указывали на стремительно надвигающийся шторм.

По неизвестной причине бригантина «Андалусия» вдруг развернулась и стала удаляться в направлении прямо противоположном курсу эскадры. Заметив это, с флагманского галеона «Сан-Себастьян» дали залп из малых кормовых орудий, призывающий беглеца лечь в дрейф. Однако на бригантине никак не отреагировали на приказ командующего эскадрой, и вскоре «Андалусия» скрылась, поглощенная дымчатой пеленой.

Волнение моря усиливалось. Поднялся ураганный ветер, который дул со страшной силой, завывая в высоких мачтах трех галеонов, заставляя стонать и скрипеть снасти. Паруса едва выдерживали этот яростный напор и отчаянно хлопали.

Раскаты грома, подобные орудийным залпам, раздавались всё ближе, нарастая с глухим рокотом, а затем постепенно рассеиваясь над морем. Ослепительные молнии с сухим треском разрывали воздух. С низко нависшего темного неба ниспадали мощные потоки, образуя сплошную водяную стену.

В это буйство не на шутку разгулявшейся стихии угодили корабли эскадры адмирала де Сепульведа. Из-за плохой видимости и неистовства бушующего шторма они окончательно потеряли друг с другом всякую связь.

В худшем положении оказался галеон «Гвадиана», часть команды которого страдала от холеры. Здоровые матросы во главе с капитаном отчаянно боролись со стихией за живучесть корабля, но им явно недоставало ни рук, ни сил. Из-за того, что вовремя не убрали паруса, при очередном шквальном порыве ветра галеон резко накренился и перевернулся. Большинство матросов и капитан оказались в холодной, накрывающей с головой воде, и какое-то время пытались противостоять безжалостным волнам. Но измученные долгой неравной борьбой, лишились чувств и шли ко дну. Несчастные больные просто захлебнулись.

Не менее печальная участь постигла галеон «Санта-Каталина». Молния ударила в грот-мачту и перебила ее почти у основания. Со страшным грохотом на палубу посыпались обломки тяжелой деревянной конструкции, похоронив под собой нескольких матросов. Рвались паруса, лопались натянутые ванты (13) и канаты. Корабль кидало волнами из стороны в сторону. Люди с криками отчаяния падали за борт, не имея возможности удержаться на палубе. Очередная волна в щепки разбила штурвал, фок-мачта треснула, накренилась и вот-вот грозила рухнуть, представляя серьезную опасность для жизни экипажа.

– Рубить фок! – перекрывая вой ветра и грохот волн, прокричал Родриго Сальварес, и моряки, рискуя жизнью, бросились выполнять его приказ.

Галеон «Санта-Каталина» потерял управление, но команда не оставила надежду на спасение. Призывая на помощь Господа и всех святых, капитан, офицеры и матросы вели игру со смертью, рассчитывая на снисхождение небес.

Флагманский галеон «Сан-Себастьян» изо всех сил противостоял стихии. На нем успели поставить штормовые паруса, и он пытался лавировать в грозном бушующем море. Огромные пенные валы, кипящие, клокочущие, с невероятной мощью ударились в его высокие борта, и корабль уже несколько раз был на грани опрокидывания. Только благодаря умелому командованию адмирала де Сепульведа, «Сан-Себастьян» еще держался на плаву и сохранял маневренность.

А вокруг стусилась непроглядная тьма, озаряемая лишь вспышками молний. Оглушительные раскаты грома, бешеный рёв ураганного ветра, неистовство бурных волн и непрекращающийся ливень, – казалось, всему этому не будет конца.

Небывалый по силе шторм, разыгравшийся в последнюю ночь октября, унес в морскую пучину сотни человеческих жизней и десятки кораблей.

Галеону «Сан-Себастьян» почти удалось покорить свирепую стихию. Но когда после многочасовой схватки за выживание команда корабля считала, что худшее позади, свершилось непоправимое.

Рядом блеснула молния, и только в самый последний момент штурман Диего Фернандес увидел, что корабль несет на скалы. Увидел это и адмирал де Сепульведа.

– Приготовиться к повороту! – перекрывая рев урагана, закричал он.

Измощенные матросы из последних сил стали работать с парусами. Медленно, очень медленно корабль начал отворачивать от смертоносных скал, но неожиданно налетела гигантская волна и, подняв его на свой высокий гребень, швырнула прямо на них.

Жуткий скрежет, треск ломающихся досок, крики ужаса и боли, – всё потонуло в грозных раскатах грома.

А окончательно добитый штормом галеон «Санта-Каталина» дал течь и грозил пойти ко дну с минуты на минуту. Матросы не успевали откачивать стремительно прибывающую в трюмах воду. Из четырех помп возле грот-мачты две отказали. Помпа у бизань-мачты сломалась еще раньше. Все нижние помещения корабля быстро заполнялись водой, и его осадка уже превысила допустимую норму. Галеон «Санта-Каталина» оказался наполовину затоплен и продолжал погружаться.

В последний раз взойдя на капитанский мостик и крепко держась за резные перила, чтобы не упасть и не быть смытым за борт волной, Родриго Сальварес с горечью воскликнул:

– О, всемогущий Господь! За что ты забираешь души несчастных моряков? Мы верой и правдой служили королю и отечеству, ничем не запятнав свою честь. Марианна! Я любил тебя, и буду любить вечно. Лишь твой светлый образ в эти минуты дает мне силы мужественно встретить смерть!

Ярко блеснула молния, и гулкие раскаты грома поглотили слова молодого капитана. Галеон «Санта-Каталина» стал еще одной жертвой безжалостной стихии.

Перед тем, как сознание Сальвареса померкло, ему пригрезилось чудное видение: ангелы, спустившиеся с небес и простёршие к нему заботливые руки. Эти руки подхватили его и, как легкое, почти невесомое перышко, унесли с собой к престолу вечной жизни.

Бригантина «Андалусия», которая ушла следом за галеоном «Священный путь», тоже претерпела все ужасы убийственного неистовствующего шторма. Волнами сорвало и унесло в море руль, штурвал заклинило, помпы вышли из строя. Большая часть команды погибла.

Сознавая безнадежное положение потерявшего управление корабля, капитан Хуан Каналес приказал зарядить носовые орудия и дать залп в надежде, что этот призыв о помощи будет услышан на других судах эскадры.

Однако прозвучавший залп потонул в раскатах грома, слившись с ними. Тогда Каналес приказал вновь зарядить орудия и произвести выстрелы последовательно, один за другим, чтобы исключить сходство с громовыми раскатами. Но когда матросы с пальниками в руках готовились выполнить приказ, на бригантину налетела огромная волна, часть моряков смыло за борт, других сбilo с ног, и они с воплями отчаяния попадали на палубу.

– Проклятье! – в ярости закричал капитан «Андалусии». – Будь проклят этот шторм и эта экспедиция! Будьте прокляты ветер и волны, несущие нам смерть! Будь проклята моя грешная жизнь!

Он поднял с палубы погасший пальник, приказал оставшимся в живых матросам приготовить его для пальбы, и когда указание было исполнено, сам произвел два поочередных выстрела из носовых погонных (14) пушек.

И, о чудо! Из серой пелены, словно призрак, вынырнул галеон «Священный путь». Его капитан дон Хосе де Барросо стоял на капитанском мостике с рупором в руке. Когда галеон подошел к терпящей бедствие бригантине на расстояние мушкетного выстрела (ближе было опасно), дон Хосе прокричал в рупор:

– Спускайте шлюпки и гребите сюда! Мы вас подберем.

Хуан Каналес помахал рукой в ответ, давая знак, что все понял, и отдал соответствующий приказ.

На «Андалусии» осталось всего две шлюпки, остальные либо смыло и унесло волнами, либо разбило в щепки. Впрочем, для тринадцати оставшихся на бригантине моряков этого было вполне достаточно.

– Но это невозможно! – сказал помощник капитана бригаантины. – Спускать шлюпки при такой волне – чистейшее безумие. Они перевернутся, а мы погибнем.

– Мы еще вернее погибнем, если останемся на «Андалусии», – решительно сказал капитан и первым спустился по шторм-трапу в одну из двух шлюпок, которые со страшной силой кидало на волнах.

За ним последовало еще шесть матросов.

Первая шлюпка отвалила от бригаантины в направлении галеона «Священный путь». В нескольких ярдах от него её перевернуло волной. Моряки оказались в воде. В этот момент не растерялись матросы на галеоне. Они побросали в воду тросы с хорошо закрепленными на концах пустыми бочонками. Хватаясь за них, моряки с «Андалусии» сумели продержаться на волнах, пока их не подняли на борт галеона. Таким образом семь человек с бригаантины были спасены.

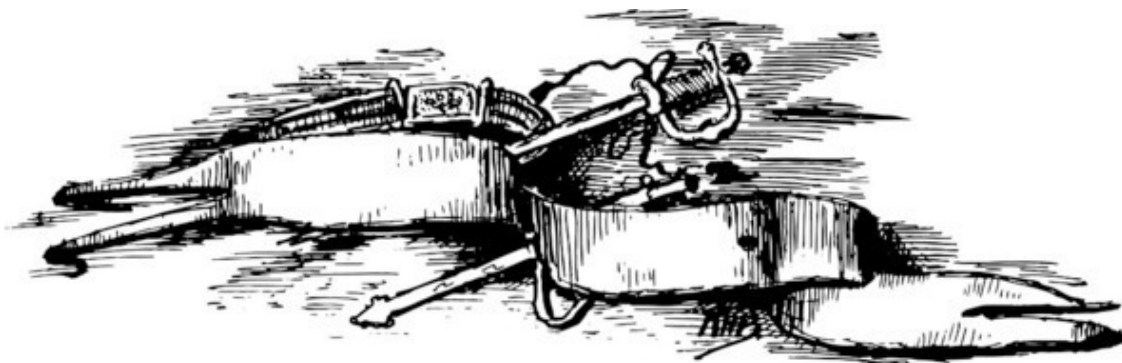
Вторая шлюпка с помощником капитана «Андалусии» и еще пятью матросами отвалила от бригаантины. Однако перевернулась, не пройдя и половины расстояния. Тщетно всматривались в бушующие волны люди с галеона Хосе де Барросо. Шестерых несчастных поглотила морская пучина.

– Я ваш должник, сеньор де Барросо, – сказал Хуан Каналес, когда «Священный путь» лег на прежний курс.

– Обсудим это после, – прохладно ответил тот. – Сейчас главное – выжить.

А шторм неистовствовал во всем своем дьявольском великолепии, неся смерть любому, кто пытался вступить с ним в неравную борьбу.

Глава 3. Спасенные по ошибке

Капитан галеона «Санта-Каталина» Родриго Сальварес долго не мог понять, что с ним произошло и где он находится. Он лежал на койке в маленькой тесной каюте незнакомого ему корабля. По слабой килевой качке, легкому крену, скрипу натянутых снастей и плеску волн, ударяющихся о борт, испанский моряк определил, что судно не стоит на месте, а движется. Этот вывод сам собой возник в его затуманенном мозгу.

Считая себя умершим, Сальварес вдруг совершенно ясно осознал, что остался в живых, и это неожиданное открытие едва не лишило его рассудка. С бешено заколотившимся сердцем офицер королевского флота сел на койке и огляделся. Он был в каюте не один. На досках палубного настила у противоположной переборки без чувств лежали рядом боцман «Санта-Каталины» Рикардо Кордеро и судовой писарь Маркос Мурито. Не передать той радости, какую испытал Сальварес при виде своих товарищей.

Вдруг боцман застонал, повернулся и толкнул щуплого писаря локтем в бок. От удара тот очнулся и открыл глаза.

– Что такое? – недоуменно пробормотал он, с трудом поднимаясь на ноги. Они подкосились от слабости, и писарь почти упал на койку рядом с Сальваресом.

Боцман тоже пришел в себя. Кряхтя, встал, придерживаясь за переборку обеими руками. Заметил писаря и командира галеона:

– Сеньор капитан? Где мы?

Тот, не зная, что сказать, пожал плечами.

Некоторое время троица хранила молчание, разглядывая ничем не примечательный интерьер маленького душного помещения. Наконец, боцман Кордеро судорожно перекрестился и прошептал:

– Пресвятая Богородица! Неужели мы спасены?

– Спасены! – повторил писарь Мурито и тут же с подозрением добавил: – Но что это за корабль? Куда он направляется?

Родриго Сальварес в смятении произнес:

– Сеньоры, мы обязаны жизнью капитану и членам команды этого корабля. Если бы не они, наши тела давно бы покоились на дне моря.

– Да! – с жаром подхватил Кордеро. – И стали кормом для акул и прочих тварей. Не приведи Господь, – он вновь осенил себя крестным знамением.

Маркос Мурито поморщился от отвращения. По вполне понятной причине он недолюбливал акул и других морских хищников.

– Но послушайте, – нервная дрожь в голосе выдавала его волнение и страх перед неизвестностью, – мы даже не знаем, попали к друзьям или врагам? Посудина может оказаться французской, английской или, хуже того, варварийской! Представляете, какая участь нас ждет?

Плен, издевательства, рабство. Где гарантия, что мы в безопасности? Кто вытащил нас из бушующих волн? Зачем? Что от нас потребует?

– Довольно, Мурито! – Сальварес строго взглянул на него. – Ваши причитания не к месту. Мы живы, благодаря отчаянным смельчакам, не бросившим нас в беде. Кем бы ни были эти люди, они спасли нас от верной гибели. И клянусь всеми святыми, я с радостью пожму руку их капитана, так как уверен, что он храбрый и достойный человек.

– Держу пари, ваше мнение на этот счет скоро изменится, – четкий звучный голос принадлежал молодому моряку, который только что вошел в каюту, оборвав тем самым разговор испанцев. – Приветствую вас, господа, – сказал он на чистейшем кастильском наречии, и те немного успокоились, признав в нем соотечественника.

В пользу этого говорила типичная внешность уроженца южной Европы. Причем один из лучших её образцов.

Поднявшись с койки ему навстречу, Сальварес подумал: «Испанец? Слава Богу! Это не враг!» Мурито последовал примеру командира и тоже, охая, встал, сверля предположительного соотечественника недоверчивым взором. Тот в свою очередь испытующе смотрел на испанских моряков, не торопясь вновь заговаривать с ними.

Приятная наружность вошедшего сразу располагала. Лет двадцати пяти – двадцати семи, выше среднего роста, стройный, великолепно сложенный и мускулистый, наделенный изяществом в сочетании с силой и угадывающейся во всем облике отчаянной отвагой, он был на удивление красив. Густая шевелюра волнистых темно-каштановых волос обрамляла загорелое гладко выбритое лицо с классически правильными чертами. Благородство этих черт и природное обаяние невольно подкупали. Правда, от внимания испанцев ускользнула маленькая, но существенная деталь: в пронзительных зеленых глазах незнакомца мерцали искры холодного, далеко не дружелюбного огня. Их оттенял мрачный, элегантный наряд – черные камзол, штаны и сапоги с отворотами, украшенные воронеными пряжками. Единственным светлым пятном на этом фоне являлся небрежно распахнутый ворот белой рубашки, обнажавший крепкую шею, на которой красовался овальный золотой медальон на цепочке. Слева на поясе на черной кожаной перевязи в искусно отделанных ножнах висел палаш – сабля с прямым обоюдоострым к концу клинком, использующаяся на флоте как абордажное оружие. Приглядевшись внимательнее, за голенищем правого сапога можно было заметить рукоять кортика. Залихватский вид придавала молодцу поблескивающая в левом ухе крупная золотая серьга в форме кольца.

В целом, парень, одетый в черное, и предпочитающий массивный палаш тонкой легкой шпаге, произвел на испанцев странное впечатление. Что-то неуловимое в его облике заставило их почувствовать себя не в своей тарелке, а потому насторожиться. И основания к тому были самые веские. Но пока три потерпевших кораблекрушение моряка не отдавали себе в этом отчет.

– Вы – капитан? – обратился к нему Родриго Сальварес.

– Да, – ответил тот по-испански. – Я команду этой посудыной.

– Хвала Всевышнему! Вы испанец?

– Хвала Всевышнему – нет!

Сальварес опешил. Незнакомец умышленно или неосознанно передразнил его! Что это? Невинная случайность или завуалированная издёвка?

– Нет? – смутившись, переспросил офицер королевского флота. – Впрочем, неважно. Вы спасли нам жизнь. И это главное. Позвольте в знак благодарности пожать вашу руку.

– Не утруждайтесь, – пресек его порыв капитан корабля.

Сальварес взглянул на него с тревогой и подозрением.

– В таком случае разрешите представиться. Мое имя Родриго Сальварес. Я командовал галеоном «Санта-Каталина» эскадры адмирала де Сепульведа, призванной именем короля

и святой церковью положить конец участвовавшим грабёжам на морях и пресечь преступный промысел, именуемый морским разбоем. Галеон уничтожила стихия. Нам тоже грозила гибель, но вы спасли нас. Я и мои подчиненные – боцман Кордеро и писарь Мурито, – он по очереди указал на них, – выражаем вам признательность за оказанную помощь. Что стало с остальными судами эскадры, и где они в настоящий момент находятся, я не знаю. Уверен лишь в одном – шторм не пощадил никого.

– Чертовски не повезло вашей эскадре, – заметил спаситель испанцев с нотками едва уловимой насмешки. – Сожалею, сеньоры. Борьба с пиратством – долг любого честного моряка.

– О, сеньор! Вы, должно быть, сам один из так называемых вольных охотников за пиратскими головами?

– Вольный охотник? – повторил тот. – Пожалуй.

– Вы смелый человек, капитан, – продолжал Сальварес. – Мы – ваши должники. Позвольте узнать ваше имя.

– Чтобы поминать его в благодарственных молитвах? Боюсь, вы будете разочарованы. Всевышний не примет молитв за мою душу.

– Как это понимать? – грубо встрял в разговор боцман Кордеро.

– Как хотите.

Родриго Сальварес нахмурился. Манера общения неизвестного казалась странной и настораживала всё больше.

– Прошу вас, сеньор, – произнес он. – Нам сейчас не до шуток. Мы потеряли эскадру адмирала де Сепульведа. Мой галеон затонул. Войдите в наше положение. Проявите должную серьезность.

– Разрази меня гром, я серьезен как никто другой.

– Ваше имя, сеньор! Звание и название корабля!

– Морис Лагарт, – спокойно ответил тот, – капитан «Чёрного коршуна», на борту которого вы имеете честь находиться.

Испанцы, остолбенев, уставились на него.

– Я не ослышался? Вы сказали «Чёрный коршун»? – Сальварес не верил своим ушам. – Неужели та самая посудина-двойник «Золотого орлана»? Впрочем, нет. Невозможно! Наверное, я ошибаюсь.

– Не знаю, сеньор офицер, обрадует вас это или нет, но вы совершенно правы, – подтвердил Лагарт. – Признаться, не думал, что вы так хорошо осведомлены.

– Я прав? Но это значит, что вы... – Сальварес осёкся. – Да смилуется над нами Творец! Сеньор капитан, поверьте, я оценил ваше остроумие. Однако повторяю: шутки сейчас неуместны. Не усугубляйте наше и без того незавидное положение.

– Шутки? Вам нужны доказательства обратного? – в голосе молодого капитана прозвучала сталь, брови сурово сошлись на переносице. – Могу их предоставить. Кого из вас вздёрнуть первым?

Испанцы похолодели. Явная угроза и опасный огонь, блеснувший в устремленном на них взоре, отметили сомнения относительно намерений человека, которого они ошибочно приняли за соотечественника. Он не шутил.

– Пират! – воскликнул побледневший писарь Мурито. – Конечно, пират! Я так и знал! Я предупреждал вас, господа, а вы мне не верили. Теперь убедились в правоте моих слов?

– Английская собака! – сквозь зубы процедил Кордеро, и его кулаки инстинктивно сжались. Взгляд полыхнул ненавистью.

– Да сохраняют нас небеса! – пробормотал ошеломленный Сальварес. – Лучше смерть, чем позор! Господь всемогущий, за какие грехи Ты послал нам столь тяжкое испытание и предал в руки врагов? Почему не позволил утонуть во время шторма и избежать бесчестия?

И все-таки робкая надежда на то, что произошло недоразумение, теплилась в душах испанских моряков. Известное им описание зловещего английского пирата, командующего «Черным коршуном», полученное накануне выхода эскадры в море, никак не вязалось с образом Мориса Лагарта, представившегося капитаном.

Мужественный моряк, спасший им жизнь, с благородной внешностью и пронзительными зелеными глазами был слишком молод и слишком красив для той презренной роли, что выпало ему играть по трагической прихоти судьбы. Именно это сбilo с толку Сальвареса и его товарищей.

Лагарт не подходил под описание злодея-головореза, но манера держаться непринужденно и даже дерзко выдавала в нем искателя приключений, привыкшего рисковать. Странная смесь – обаяние и холодная жесточенность переплетались воедино в этом человеке.

Нервный и подозрительный писарь Мурито первым нарушил воцарившееся в каюте молчание, несмело обратившись к капитану Лагарту:

– Говорят, бандит, что командует «Черным коршуном», этой чертовой посудиною, сам на черта похож! Настолько безобразен и омерзителен! Один его вид способен внушить страх и вызвать отвращение. Если бы вы, прекрасный сеньор шутник, действительно были этим проклятым морским разбойником, то ни за что не стали бы спасать испанских моряков.

– Вы так считаете? – тот пристально взглянул на него.

– Я уверен в этом!

– А я, напротив, не уверен, кто из нас больше похож на черта: вы или я. Не знаю, никогда его не видел. Полагаю, сеньор писарь лично знаком с прародителем темных сил, если может судить о нашем сходстве?

Маркос Мурито оторопел: не понял иронии морского разбойника. Тот, не дождавшись ответа, перевел взгляд на его спутников и сказал:

– Итак, сеньоры, шторм отправил на дно вашу посудину. В этот раз ей просто не повезло. Досадно, но ничего не поделаешь. Зато чертовски повезло вам, троим. Не подоспей мы вовремя, сегодня ночью рыбы устроили бы настоящий пир в вашу честь. По-моему, вы до сих пор не оценили своего преимущества.

– Какое может быть преимущество у ягненка, попавшего в стаю волков? – хмуро произнес Сальварес, который убедился: это не розыгрыш и даже не плохая шутка, а вполне жестокая реальность. Он и два его товарища по злой прихоти фортуны очутились на борту пиратского корабля. – Его съедят в любом случае и даже не подавятся. Зачем вы спасли нас? – резко спросил он. – Что вам от нас нужно? Лучше бы мы погибли и не испытывали теперь такого унижения!

– Вот и совершай после этого благородные поступки! – иронично откликнулся молодой авантюрист. – Но я отвечу на ваш вопрос, сеньор офицер. Оказать помощь товарищам по несчастью – долг любого моряка, и в данном случае не важно, враги вы нам или друзья, испанцы или кто-то другой. Впрочем, буду откровенен: вытаскивая вас из воды, мы думали, что спасаем кого-то из своих.

– Представляю, как вы разочаровались, когда выяснилось, что это не так, – заметил тот. Морис Лагарт промолчал, не сочтя нужным отрицать очевидное.

– Ах ты, собака! – выдохнул вдруг Рикардо Кордеро и бросился на него.

Убить врага любой ценой! Плевать, что обязан ему жизнью! Кордеро никогда не отличался щепетильностью и благородством, так же, как и здравомыслием. Зато обладал недюжинной физической силой. На нее и уповал. Отчаянное положение, в котором по милости судьбы оказались они с Сальваресом и Мурито, придало ему храбрости и уверенности в себе. Оружия он не имел, а потому рассчитывал только на мощь своих огромных, крепких кулаков. Однако неблагодарный боцман недооценил противника.

Пиратский капитан отреагировал мгновенно. Ловко увернувшись от рассекающих воздух тяжелых кулаков испанца, одним точным, хорошо рассчитанным ударом в висок он сбил его с ног. В тот же миг блеснула, словно молния, выхваченная из ножен сталь, и острое палаша уперлось в горло Кордеро.

Сальварес и Мурито не успели опомниться, настолько быстро все произошло.

Кордеро, оглушенный, но оставшийся в сознании, лежал на палубе, на спине, боясь пошевелиться, и с нескрываемой злобой смотрел на врага.

– Будь ты проклят! – прохрипел он, с трудом переводя дух, не надеясь остаться в живых.

– Не убивайте его! – воскликнул Сальварес.

Капитан «Чёрного коршуна» искоса глянул на него, но не отвел палаш от горла поверженного испанского боцмана.

– Я вас прошу! – настойчиво повторил Сальварес.

Холодная усмешка тронула губы морского разбойника. Он убрал палаш в ножны – тот с лязгом скользнул в них.

Сальварес и Мурито вздохнули с облегчением. Впечатанный лопатками в палубу Кордеро пуще прежнего разразился проклятиями и угрозами, но встать не решился без позволения капитана корабля.

– Не скажу, что рад знакомству, – на удивление спокойно заявил тот, словно не на его жизнь только что покушались. – Как человек гостеприимный, я пришел предложить вам, сеньоры, позавтракать со мной и моими помощниками в кают-компани. Вы, полагаю, проголодались со вчерашнего вечера, а у нас на борту не принято морить голодом гостей, пусть даже незваных и не умеющих держать себя в руках.

Исключительное самообладание пирата поразило не на шутку встревоженных испанцев.

– Вы хотели сказать – пленников? – мрачно заметил Сальварес.

– Вы слышали, что я сказал, – невозмутимо откликнулся Лагарт. – Помогите товарищу прийти в себя, – он кивнул на распластанного у его ног боцмана, – а заодно растолкуйте правила хорошего тона. Иначе с ним в дальнейшем могут приключиться новые неприятности.

Сальварес и Мурито беспрекословно исполнили требуемое. С их помощью Кордеро поднялся с палубы.

– Следуйте за мной, – капитан «Чёрного коршуна» развернулся и покинул каюту.

Испанцам не оставалось ничего другого, как подчиниться. Вместе они вышли в узкий полутемный коридор и за капитаном пиратского корабля направились в кают-компанию.

– Он хочет нас отравить! – с ненавистью прошипел Кордеро на ухо Сальваресу.

– Не говорите глупостей, – так же тихо ответил тот, с опаской покосившись на морского разбойника.

Последний услышал реплику испанского боцмана, резко остановился и повернулся к нему. Кордеро от неожиданности вздрогнул.

– Клянусь дьяволом, надо быть полным идиотом, чтобы не понять очевидного. Вам не для того спасли жизнь, чтобы затем отнять её.

Но ослепленный ненавистью боцман не уловил смысла адресованной ему фразы.

– Да, но если эти жизни были спасены по ошибке? – ответил Сальварес вместо подчиненного. – Что тогда?

– Об этом мы поговорим после, сеньор офицер, – Лагарт указал рукой на низкую дверь. – Прошу вас.

Испанцы вошли в не особо просторное, тускло освещенное подвешенным к подволоку (15) масляным фонарем помещение, почти всё пространство которого занимал длинный стол с привинченными к палубе массивными ножками. По обеим сторонам от него находились две узкие скамьи, намертво приколотенные к доскам палубного настила. На столе стояли холодные закуски, несколько бутылок вина и бренди. На одной из переборок висела подробная цветная

карта Средиземного моря с прилегающими территориями. На противоположной – большое штурвальное колесо, в центр которого были искусно вмонтированы склянки (16) – стеклянные песочные часы в серебряной оправе. Колесо вращалось, и таким образом песок пересыпался из одной колбочки в другую.

– Располагайтесь, сеньоры, – сказал капитан «Чёрного коршуна», кивнув в сторону заранее накрытого стола. – Я оставлю вас на некоторое время. Присоединюсь позже. Позвольте пожелать вам приятного аппетита.

Ледяная вежливость капитана пиратского корабля была поистине безупречной.

Напоследок отвесив испанцам легкий поклон, Лагарт вышел из кают-компания, прикрыв за собой дверь.

Терзаемые самыми нехорошими предчувствиями и сомнениями, испанские моряки остались одни.

Глава 4. В плену у пиратов

– Скверная ситуация, – пробормотал Родриго Сальварес, хмуро глядя вслед скрывшемуся за дверью морскому разбойнику. – Не знаешь, чего ждать!

– Да, – согласился Рикардо Кордеро. – Этот молодчик не так прост, как кажется на первый взгляд. Одному дьяволу известно, что у него на уме.

– Уверяю вас: ничего хорошего, – голос Маркоса Мурито заметно дрожал от страха. – Захочет – разделается с нами, глазом не моргнет. Из-за вашего необдуманного поступка, Кордеро, грош-цена теперь нашим жизням!

– А я здесь причем? – не понял тот.

– Кто вас просил бросаться на него с кулаками, болван вы безмозглый! Если бы не вмешательство сеньора Сальвареса, проклятый пират прикончил бы вас, не задумываясь. Он так лихо уложил вас на лопатки. Саблей едва не проткнул! Чертово отродье! С виду самоуверенный красавец – воплощение мужественности и благородства, в реальности – жестокий головорез с темной душой! Неужели вам не ясно, Кордеро? Решили в героя поиграть? Да? И чуть не заплатились головой! Глупец! Да еще нас под монастырь подвели!

– Глупец? – вскипел Кордеро и яростно сжал кулаки, готовый к драке. – Безмозглый болван?! Да я...

– Тише, сеньоры, прошу вас, – прервал словесную перепалку Сальварес, опасаясь возможного столкновения между подчиненными, нервы которых были взвинчены. – Сейчас не время выяснять отношения.

– Никто не смеет оскорблять мое достоинство и называть глупцом! – зло выдохнул Кордеро и с презрением бросил в отместку Мурито: – Тем более, эта брюзгливая баба! Трус!

– Что?! – возмущенно воскликнул писарь.

– Что слышали! – огрызнулся боцман.

– Прекратите! – резко осадил их командир и обратил хмурый взор на шумно сопящего боцмана Кордеро. – По-вашему, боцман, достойно и мудро нападать на человека, спасшего нас от неминуемой гибели? Вы считаете это верхом бесстрашия и благородства?

– Но он пират! Враг! И должен быть уничтожен!

– Бесспорно. Но подумайте сами: именно в его руках находятся сейчас наши жизни. Будьте благоразумны. Не подставляйте впредь под удар ни себя, ни нас.

– Я все равно попытаюсь убить эту английскую собаку! Если потребуется, я перегрызу ему глотку или задущу! – ответив, Кордеро подошел к столу и вдруг преобразился.

Он заметил остро заточенный нож, неосторожно оставленный возле одной из тарелок. Торжествующая ухмылка исказила его грубое смуглое лицо, покрытое оспинами. Схватив нож со стола, боцман возбужденно взглянул на товарищей.

– Видите, сеньор Сальварес, – самодовольно заявил он, – Господь не остался глух к моим молитвам. Теперь проклятый висельник от меня не уйдет!

– Вы с ума сошли! Немедленно положите нож на место! Если пират заметит его пропажу...

– Как бы не так!

– Оставьте свою безумную затею, Кордеро, – испуганно пролепетал Мурито. – Вы погубите всех нас.

Но переубедить Кордеро оказалось невозможно.

– Это подлость! – с укором произнес бывший капитан «Санта-Каталины», который ценил порядочность и честь превыше всего. – Каким бы негодяем не был этот морской разбойник, но он проявил к вам великодушие, тогда как вы собираетесь отплатить ему черной неблагодарностью.

Однако боцман только сильнее сжал рукоять ножа и ничего не ответил, убрав руку с клинком за спину.

* * *

Капитан «Чёрного коршуна» вскоре вернулся в сопровождении трех подручных. При виде этой грозной компании у наименее храброго из испанцев, писаря Мурито, затряслись поджилки, у боцмана Кордеро нервно задергался угол рта, капитан Сальварес внутренне напрягся.

Самый свирепый вид имел бритоголовый рыжебородый верзила с красным мясистым лицом, изуродованным безобразным шрамом. Из-за увечья левый глаз превратился в щелку – кожу стянуло к виску. Правый, навывкате, глядел пристально и недобро. Асимметрия отталкивала так же, как неопрятная одежда и грязные, похожие на бочки руки с толстыми пальцами. Короткую мощную шею окольцовывала серебряная цепь с болтающейся на ней боцманской дудкой. За поясом под выпирающим из штанов пузом торчал пистолет. На бедре висел внушительный тесак с массивной рукоятью и широким тяжелым клинком с разнесенными в стороны зазубринами на обухе.

Боцман пиратского корабля Дик Крайтон – бывший матрос английского королевского флота, сбежал с фрегата Его Величества после нелюбимой истории. Однажды, продурив карты всё, что имел, он заподозрил соперника в шулерстве и решил проучить при помощи кулаков. О драке в кубрике тут же доложили капитану. Не вникая в суть дела, тот велел наказать зачинщика. По его приказу Крайтону схватили, раздели до белья, выволокли на палубу и перед всей командой выпороли линьком до полусмерти. Оклемавшись, униженный и озлобленный матрос, не чувствуя за собой вины, поклялся отомстить за испытанную на собственной шкуре несправедливость. Когда корабль бросил якорь в портсмутском порту, Крайтон тайком пробрался к командиру и прикончил его. Правда, тот, сопротивляясь, нанёс ему чудовищную рану, навсегда изувечив лицо и едва не лишив одного глаза.

Раненому мстителю-убийце удалось незаметно улизнуть с фрегата. Вынужденно скрываясь от правосудия на берегу, он ночевал, где попало, перебиваясь, чем придётся, пока случайно не узнал, что в Портсмут зашел корабль с неукомплектованной командой, куда срочно требуются люди. Что это за корабль, точно не знал никто, болтали лишь, что у его капитана какие-то проблемы с законом и что ни один уважающий себя честный моряк не ступит на его палубу. Крайтон, которому грозила виселица за убийство королевского морского офицера, понял: судьба предоставила шанс – грех его упустить. Отбросив всякие сомнения, он нанялся на «Чёрный коршун».

Прямой противоположностью страшного, как чума, боцмана с ледяным взглядом убийцы и нешуточной первобытной силой, заключенной в груди бугристых мышц, был другой пират – корабельный врач Франсуа Лапарен – на вид редкостный, хотя и симпатичный пройдоха. Смуглый, худощавый, не особенно высокий, но выносливый и крепкий, он имел тонкий орлиный профиль, карие с хитрецей глаза и длинные черные кудри, напоминающие недавно вошедшие в моду завитые парики. В отличие от здоровяка Крайтона, небрежного во всём, что не касалось его личного арсенала: несвежий, воняющий потом костюм – плевать, следы пороха на лице и грязь под ногтями – а как иначе? Лапарен уделял тщательное внимание своей внешности и одевался с изысканностью придворного аристократа. Оружие носил подстать: на перекинутой через правое плечо парчовой перевязи красовалась длинная изящная шпага с богато украшенным эфесом. За поясом в орнаментированных искусным рельефом ножнах находился стилет – небольшой узкий кинжал с трехгранным клинком и рукоятью из слоновой кости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.